

"Его" под эгидой смерти: рефлексии Сартра в "Дневниках странной войны"

Второго сентября 1939 г., в поезде, который везет его вместе с незнакомцами к неведомой судьбе, Сартр-солдат, пытающийся представить себе ситуацию, с которой ему предстоит столкнуться, имеет только одну точку отсчета – гибельную, страшную Большую войну, в которой двадцатью пятью годами ранее с тем же самым врагом столкнулось старшее поколение. Как себя вести? Выживу ли я? Возможно, для того чтобы дать пристойный ответ на эти вопросы, Сартр и начал вести свой "военный дневник". Нам он крайне интересен тем, что война предстает здесь со своих неожиданных и негероических сторон. Сартр пишет – и серьезно, и иронично – о себе, человеке на войне, хотя бы и "странной". Вот лишь некоторые темы его дневников.

Стоицизм. Я отправился в армию "стойком", – говорит Сартр, – это предполагало, что мне пришлось, с одной стороны, перечеркнуть всю прошлую жизнь, а с другой – принять будущее, в котором собственных моих возможностей больше не существовало, следуя в этом наказу стойков: не требуй того, чтобы все шло, как ты того желаешь, желай того, чтобы все шло так, как идет.

Казалось бы – ну как величественно, однако тут же он сам начинает издеваться над своим стоицизмом, обнажая его потаенные мотивы: Я был стойком на скользкой почве. Мой стоицизм относился исключительно к утрате той жизни, которую я вел до сих пор не касаясь смертельного для меня риска. Я отправлялся в армию с твердым намерением вернуться и с самого начала полагал, что служба в метеорологическом отделении поможет мне выйти сухим из воды (в том, что касается нарядов, казармы и т. п.). Что заслужил, то и получил. Очутился среди тех, кто по сути думает так же, как я, правда, без всякой литературы и философской подливки из стоицизма. Они хотят спасти свою шкуру и по простоте души этого не скрывают. Я тоже хочу спасти свою шкуру, но вместе с тем мне хочется "открыть прения" – вот они, издержки профессии.

Мир войны: изменяется смысл всех вещей. Повседневное "бытие-на-войне" властвует над его настроением, его чтением, его мыслями. Отнюдь не желая от этого абстрагироваться, он стремится передать коллективное ощущение странной войны, ибо в глубине души чувствует, что это "плоское и аморфное" настоящее представляет собой историческое событие.

Война – это социализм, говорит Сартр. Она сводит индивидуальную собственность человека к нулю и заменяет ее собственностью коллектива, где каждый человек осажден всеми другими. Он сталкивается с

ними повсюду, рядом с ними работает, они окружают его в туалете, в казарме, где спят и храпят. Человечность здесь представляет собой замкнутую на себе среду, которая душит человека. Для него нигде нет излюбленного уголка, где он мог бы уединиться хотя бы на минуту. Полы, стены, кровати, столы – все вокруг является коллективной собственностью, и коллектив всегда вокруг тебя. Человек повсюду чувствует, что его видят, разглядывают, слушают – впрочем, без особого внимания. Люди не могут отступить друг от друга ни на шаг.

От социализма до стадности – один шаг: полная потеря всякого человеческого достоинства, мы вынуждены кучкой справлять нужду. Отсюда характерное похабство – все пердят и рыгают среди бела дня. Апофеоз ее Сартр запротоколировал характерной записью: "Среда, 20 сентября 1940. 8 часов утра: золотая пора. Небольшой туман, прекрасное, легкое сентябрьское небо. Ниппер, который срет рядом со мной, встает, пошуршав бумагой, и говорит, застегивая штаны: "Хорошая погода!". Помолчав, добавляет тем же тоном: "Впечатляет".

Однако какой же экзистенциализм без переживания преддверия, возможности *смерти*? Взглянул на настоящее свое существование с точки зрения смерти. Она лишает смысла даже мои восприятия, даже мои мысли, мои мимолетные желания, ибо все это – ожидание, самое мимолетное из моих представлений есть то, что уже было. Чтобы устояться, любое настоящее рассчитывает на переход в прошлое. Смерть лишает настоящее права становиться прошлым, тогда оно истончается и становится прозрачным. И неопределенным. Нехватка координат. Это глубинная пустота в самом сердце всех моих возможностей, присутствие внеположности в самом нутре моего "я". Оно - это "не-я" во мне или, если угодно, проекция в сердцевине моего "я" моей захваченности миром.

И, наконец, *судьба*. У меня нет времени на смерть – вот как примерно я ощущаю положение вещей. У меня всегда было ощущение, что люди умирают по небрежности, рассеянности или дряхлости, что ты свободен против смерти. Не хочу сказать, что можно и совсем не умирать, скажу следующее: мы конечны – но задачи наши тоже конечны. Должно найти силы удержаться от смерти, пока задача не будет выполнена. Потом уж не остается ничего другого, как махнуть на все рукой.